

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

СПОРЫ ВОКРУГ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА В КОНТЕКСТЕ ИНЕРЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО СЛОВА¹

THE DISCUSSION OF A. S. GRIBOYEDOV'S COMEDY "WOE FROM WIT" IN THE RHETORIC INERTNESS CONTEXT

Сербул Марина Николаевна
к.филол.н., доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Шуйский государственный педагогический университет», Шuya, Россия

Serbul Marina Nikolaevna
Cand.Philol.Sci., associate professor
Federal State Educational Budget Institution of Higher Vocational Education "Shuya State Pedagogical University", Shuya, Russia

В статье исследуются споры современников Грибоедова вокруг его комедии; выявляется общая основа непонимания критиками пьесы и его героя, заложенная дискурсом риторического слова

The article analyses the discussion of Griboyedov's contemporaries of his comedy, defines the general basis of critics' misunderstanding the play itself and its character based on the rhetoric discourse

Ключевые слова: ДИСКУРС, РИТОРИКА, ИНТЕНЦИЯ, РАЦИОНАЛИЗМ, НОВАТОРСТВО

Keywords: DISCOURSE, RHETORIC, INTENSION, RATIONALISM, INNOVATION

Создавая в дискурсе «готового слова» риторики свою комедию, А. С. Грибоедов, вместе с тем, совершает прорыв риторической регламентации, сделав объектом своего исследования специфическое личностное поведение героя-новатора, включенного в густо прописанный, житейски конкретный мир барской Москвы начала XIX в. Недоумение, раздражение, восхищение, не отменявшее непонимания и даже неприятия, определяли спектр эмоций читателей комедии Грибоедова «Горя от ума», воспитанных в рамках рациональной поэтологической традиции. Пожалуй, никакая другая пьеса у современников не вызвала таких ожесточенных споров, как эта.

Один из первых откликов на комедию - отзыв А. А. Бестужева в обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». Им пьеса была оценена как «феномен, которого не видали мы от времен «Недоросля». В статье критика в свернутом виде обозначена ее принципиальная новизна. Эта новизна и станет вскоре предметом жестокой полемики: «толпа характеров, обрисованных смело и резко», «душа в чувствованиях и остроумие в речах», «невиданная доселе беглость

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России.

и природа разговорного русского языка в стихах», «нет завязки», «автор не по правилам нравится». Бестужев говорит о «французской систематике», с позиций которой будут поначалу судить об этой великой комедии, но «предрассудки рассеются, и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных» [цит. по: 8: 306].

Полемика эта развернулась в этом же 1825 году. Ее катализатором стала похвальная заметка Н. Полевого в "Московском телеграфе" по поводу отрывков грибоедовской пьесы, только что опубликованных в болгаринской «Русской Талии». Похвалы Полевого уже сопровождались и критическими замечаниями относительно «неправильностей» языка «Горя от ума». Проблема «неправильности» комедии и стала главной темой в обсуждении журнальной критики. Эта мысль присутствует и в дружественных, и во враждебных отзывах, странным образом сближая отклики друзей и врагов драматурга.

Первыми вслед за Полевым откликнулись враги Грибоедова. Поэт М. А. Дмитриев резко возразил против похвал Полевого. Желчность Дмитриева, конечно, можно объяснить его личной неприязнью к Грибоедову. Не слишком даровитый драматург еще за год до этого со всем пылом своей юной души активно включился в «войну на Парнасе», шедшей с легкой подачи А. А. Шаховского («Новый Стерн», «Урок кокеткам, или Липецкие воды») уже не один год. Тогда же Дмитриев совместно с драматургом А. И. Писаревым «объявил эпиграмматический поход» (М. Гиллельсон) против А. С. Грибоедова и П. А. Вяземского. В эпиграммах враги быстро перешли на личности, подвергнув насмешке и брани не только плоды поэтической деятельности соперника, но и его внутренние качества и внешность. И все же заметка Дмитриева на страницах «Вестника Европы» гораздо глубже и симптоматичнее, чем просто очередная реплика в литературном (и не только) диалоге-споре «сердитых малюток» (Вяземский), «холопов “Вестника Европы”»

(Грибоедов) со своими недругами.

Главный объект критики Дмитриева – Чацкий. Следует отметить, что образ Чацкого и сюжетно-композиционная структура комедии («план», сцепления сцен и т.п.) будут вызывать у современных Грибоедову критиков особое неприятие. Итак, по мнению Дмитриева, Чацкий «ни что иное как сумасброд, который находится в обществе людей совсем неглупых, но необразованных, и который умничает перед ними, потому что считает себя умнее: следственно все смешное – на стороне Чацкого! <...> Словом, Чацкий, который должен быть умнейшим лицом пьесы, представлен ... менее всего рассудительным! Это мольеров Мизантроп в мелочах и карикатуре! Это такая несообразность характера с его назначением, которая должна отнять у действующего лица всю его занимательность и в которой не может дать отчета ни автор, ни самый изыскательный критик» [3: 113].

Эта первая недоуменная реакция просвещенного читателя-зрителя «Горя от ума», воспитанного в контексте классицистической просветительской традиции, чрезвычайно показательна: герой должен быть однозначно положителен (а потому не может быть смешон!), если за ним «разумная» (благородная) страсть, или однозначно отрицателен, если он, герой, выбирает страсть неразумную (тогда он попадает в поле комического осмеяния). Рационалистическая природа классицистического метода, с позиций которого Дмитриев судит грибоедовскую пьесу, полутонов в этической оценке не допускает, а потому Чацкий как герой несостоятелен - его характер «несообразен» с его «назначением». С тех же позиций Дмитриевым охарактеризован и язык грибоедовской пьесы, как «жесткий, неровный и неправильный». Но критик все же счел возможным похвалить автора за изображение «очень удачно некоторых портретов» [3: 114].

С опровержениями сразу же выступил О. Сомов. В замечаниях

Дмитриева он поспешил увидеть только «партийные пристрастия» и «литературное староверство». Близкий к декабристским кругам, Сомов почувствовал в Чацком «своего» не только по политическим взглядам, но и по психофизической сущности. Он оправдывает Чацкого как драматического персонажа, перенося на его характеристику не только этико-политический лексикон декабристов, но и модель их бытового поведения. «Он (Грибоедов – М. С.) представил в лице Чацкого умного, пылкого и доброго молодого человека, но вовсе не свободного от слабостей: в нем их две – заносчивость и нетерпеливость. Чацкий сам очень хорошо понимает... что, говоря невежам о их невежестве и предрассудках, и порочным о их пороках, он только напрасно теряет речи; ... негодование против воли вырывается у него потоком слов, колких, но справедливых... Таков вообще характер людей пылких, и сей характер схвачен г. Грибоедовым с удивительной верностью... он видимо страдает от всего, что видит и слышит» [12: 184]. Ю. М. Лотман писал о бытовом поведении декабриста: «Он гласно и публично называет вещи своими именами, "гремит" на балу и в обществе, поскольку именно в таком назывании видит освобождение человека и начало преобразования общества. Поэтому прямолинейность, известная наивность, способность попадать в смешные, со светской точки зрения, положения так же совместима с поведением декабриста, как резкость, гордость и даже высокомерие.» [5: 170].

На стороне Дмитриева выступил комедиограф А. И. Писарев, поместивший в том же «Вестнике Европы» под пародийным псевдонимом «Пилад Белугин» заметку, направленную против апологетической критики О. Сомова «Горе от ума». В своей статье, как и в последующей за ней, Писарев выразил свою принципиальную точку зрения на комедийный жанр [9; 10]. Ученик А. Ф. Мерзлякова, он подошел к комедии Грибоедова с последовательных позиций «правильной» пьесы. Прежде всего, он

подверг критике композицию «Горя от ума», не обнаружив в комедии завязки и развязки, отказав ей в логике сюжетного развития. С резкой критикой обрушился он на язык комедии, увидев основной недостаток в «излишестве» «подражания разговору». Правда, в конце своей первой статьи он «отдал справедливость некоторым удачно изображенным характерам, смешным сценам, едкости многих эпиграмм и вообще искусству рисовать миниатюры» [9: 120].

Во второй статье, повторив в очень резкой форме аргументы первой статьи, Писарев раскритиковал образ Чацкого и, сравнив его с мольеровским Альцестом (Крутоном), отказал герою Грибоедова в цельности и значительности характера, свел его обличительные монологи к порывам «одержимого духом самолюбия» «невежи» [10: 206-207]. Основной смысл эстетических претензий Писарева свелся к тому, что в «Горе от ума», по его мнению, отразились отдельные, по большей части случайные черты действительности, но не суть ее, общезначимая и неизменная во все времена и у всех народов. В этих претензиях есть своя очень жесткая, рационалистическая логика: жанр высокой комедии (именно в этом статусе рассматривает критик «Горе от ума» как неудачный сколок «Мизантропа») репрезентует главного героя в бытийном аспекте своего существования. Он носитель высшей истины, существо духовное и общественное. Эмпирическая, бытовая реальность не есть сфера его «осуществления». В этом отношении примечательно, например, такое утверждение Писарева: «Крутон ненавидит пороки и слабости людей, а не приличия; он упрекает их за злобу. коварство, корыстолюбие, лесть, мстительность. - Чацкий ненавидит светские приличия и упрекает за бритые подбородки и короткие фраки. - Первый нападает на истинные, вековые причины людских несчастий; другой тербит суточные странности» (выделено мною - М. С.) [10: 209].

В полемическом задоре и полемических перехлестах Писарева,

конечно, ощущается не только эстетические разногласия драматургов, но и уже упоминавшаяся личная неприязнь Писарева к Грибоедову, граничащая с ненавистью. И если в первой статье тон Писарева еще достаточно сдержан (он даже находит возможность похвалить «Горе от ума»), то во второй статье, задетый замечаниями В. Ф. Одоевского, выступившего в поддержку Сомова и насмешливо раскритиковавшего Дмитриева, водевилист желчен и бранчив, позволяет себе грубые и даже оскорбительные выпады против защитников комедии, против ее автора. Теперь он в своем мелочном и пристрастном разборе обнаруживает, в первую очередь, ту самую приверженность «литературной партии», в которой он обвиняет своих оппонентов.

Полемика 1825 года вокруг «Горя от ума» сыграла роковую роль в оценке эстетических позиций и всего творчества Писарева. Статьи Писарева, направленные против «Горя от ума», дали основание ряду исследователей заклеить его «литературным старовером», выразителем «настроений фамусовской Москвы», и даже выразителем «реакционных взглядов», которые якобы «яснее всего отразились в его волшебнo-фантастических водевилях» [см.: 6; 8; 13 и др.].

Несправедливость таких оценок доказывается всего лишь одним фактом: позиция открытого врага Грибоедова в принципиальных моментах совпадает с позицией большей части литераторов, находившихся с Грибоедовым в близких и дружеских отношениях. Правда, свою оценку комедии они высказывали приватно, в личной переписке, или после смерти драматурга.

В первую очередь, это позиция друга Грибоедова известного драматурга П. А. Катенина. Его послание к Грибоедову с разбором комедии не сохранилось (правда, сохранилось письмо самого Грибоедова с опровержением всех пунктов своего оппонента, которые драматург обозначил в своем ответе). В письме к Н. И. Бахтину от 26 января 1825 г.

Катенин повторил свои впечатления о Грибоедовской комедии – он был с ней знаком целиком: «У меня она вся есть; Грибоедов мне ее прислал в рукописи... Ума в ней точно палата, но план, по-моему, недостаточен; характер главный сбивчив и сбит... слог часто прелестный, но сочинитель слишком доволен своими вольностями: так писать легче, но лучше ли, чем хорошими александринскими стихами? вряд.» В следующем письме от 17 февраля к тому же Бахтину Катенин довольно раздраженно отзовется о публикации отрывков «Горя от ума» в «Русской талии» («Теперь в гору лезет на счету критиков Грибоедов за комедию “Горе от ума”, ... решительно ставят его наряду с Фон-Визином») и весьма иронически обронит по поводу Чацкого: «Этот Чацкий – главное лицо. Автор вывел его соп атог, и, по мнению автора, в Чацком все достоинства и нет порока, но, по мнению моему, он говорит много, бранит все и проповедует некстати». И как общее резюме о комедии: «Стихи вольные, легкие и разговорные, побочные лица, являющиеся на один миг, мастерски отрисованы; жаль только, что эта фантазмагория не театральна...» [4: 250, 252, 253].

Весьма сложным было отношение к «Горю от ума» ближайшего друга и сподвижника на поприще литературных боев П. А. Вяземского. В своих работах о Фонвизине, увидевших свет только после смерти Грибоедова, он, признавая большое значение «Горя от ума» как «явления весьма замечательного», тут же поспешит заметить, что сам Грибоедов знал, что он, Вяземский, не являлся безусловным поклонником его комедии. Оценка Вяземского поразительным образом совпадает по ряду пунктов с оценкой Писарева. Речи Чацкого Вяземского, как и Писарева, утомляют и раздражают: его, Чацкого, ум «не есть завидный ни для себя, ни для других. В этом главный порок автора, что посреди глупцов он вывел одного умного человека, да и то бешеного и скучного». Оба критика отказывают «Горю от ума» в праве называться комедией.

Вяземский пишет, что в пьесе Грибоедова «нет действия», почти все лица – эпизодические, все явления – выдвижные: «их можно выдвинуть, вдвинуть, переместить, пополнить, и нигде не заметишь ни трещины, ни приделки» [цит. по.: 8: 312-313]. Писарев – Пилад Белугин в своей первой статье отмечает, что никто из героев «ни замедляют и не ускоряют хода пьесы ... Можно выкинуть каждое из сих лиц, заменить другими. Удвоить число их – и ход пьесы останется тот же. Ни одна сцена не истекает из предыдущей и не связывается с последующею. Перемените порядок явлений, переставьте номера их, выбросьте любое, вставьте что хотите, и комедия не переменится» [9: 112]. Во второй статье Белугина: «Комедия требует совершенного и неременного сцепления всех частей: все лица должны участвовать в ходе ее; одни умышленно, другие неумышленно, должны продвигать действие к развязке. Применим это правило к «Горю от ума», и мы увидим, что ... каждая сцена может быть переставлена, и пьеса от этого не потеряет; говорящие лица (я не могу назвать действующими, потому что в все продолжение комедии никто решительно ничего не делает), говорящие лица толкуют о том, о сем, а чаще всего ни о чем – и разойдутся» [10: 204].

Суровую оценку «Горя от ума» Вяземский будет развивать далее в своей поздней статье «Дела иль пустяки давно минувших лет», где, подобно Писареву с Дмитриевым, откажет пьесе Грибоедова в праве называться комедией (в ней нет веселости, «без чего нет хорошей комедии», нет «комических положений, столкновений, нечаянностей»). Он усматривает в «Горе от ума» всего лишь схваченные «с удивительной верностью и живостью карикатурные сколки», «это сатира, а не драма; импровизация, а не действие». Разрушение привычной комедийной структуры и замену ее чем-то иным, Вяземский, как и Писарев, связывает, в частности, со странным, а потому неудачным, конструированием образа Чацкого, который «против умысла и желания автора оказывается лицом

комическим и смешным» [2: 0546]. В результате главный герой, который по логике традиционной просветительской комедии должен быть резонером, рупором авторских идей, героем «без страха и упрека», попадает в сферу комического («смешные положения») и, взрывая изнутри рационально упорядоченную комедийную структуру, разрушает логическую целесообразность драматического текста, так как смех по логике современного сознания, отягощенного риторической интенцией классицистической и просветительской драматургии, должен поставить под сомнение высокую нравственную правоту «смешного» героя. А с «Горем от ума» дело обстоит особенно непросто, так как Грибоедов для своего главного детища выбрал риторически «отполированную», начиная с Мольера, стихотворную форму «высокой» классицистической комедии, наиболее строгую с точки зрения формально-содержательных признаков, да еще «вклеил» историю Чацкого в обязательную для классицистической драматургии «узенькую рамочку трех единств», с которыми, правда, также обошелся весьма вольно.

В этом же контексте чрезвычайно любопытны метания В. Г. Белинского. Если первый его отзыв о грибоедовской комедии в статье «Литературные мечтания» перегружен восторженными эмоциями («первая русская комедия», «образцовое, гениальное произведение и не в русской литературе, которая в Грибоедове лишилась Шекспира комедии» [1: I: 82]), то во втором отзыве 1839 г. в «Горе от ума» критик увидит массу недостатков, проистекающих, по его мнению, из самой природы пьесы-сатиры, принадлежность которой к области искусства он тогда отрицал («„Горе от ума“ – сатира, а не комедия: сатира же не может быть художественным произведением» (курсив Белинского) [1: III: 485]). Особенно досталось Чацкому («крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит», «это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом» и пр.). В своих гневных lamentациях

по поводу главного героя комедии Белинский присоединяется к оценкам Дмитриева и Писарева: Чацкий не должен быть «лицом комическим», если «поэт не шутя хотел изобразить в Чацком идеал глубокого человека в противоречии с обществом», а так «вышло бог знает что» [1: III: 481]. Общая же оценка Белинского «Горя от ума» чрезвычайно напоминает позицию Вяземского. Правда, уже в 1840 году Белинский в письме к В. П. Боткину критически выскажется о своей статье по поводу «Горя от ума», а затем публично коренным образом изменит свою оценку грибоедовской комедии на диаметрально противоположную («Разделение поэзии на роды и виды», восьмая статья о Пушкине).

В позднейших восторженных оценках «Горя от ума» Белинского следует выделить два чрезвычайно конструктивных момента. Первый – сближение «Горя от ума» со стихотворным романом Пушкина «Евгений Онегин», которые, по мнению критика, образовали «прочное основание новой русской поэзии, новой русской литературе». Второй – констатация критиком гениального завершения «Горем от ума» традиции стихотворной комедии в русской литературе («Грибоедов надолго убил всякую возможность русской комедии в стихах» [1: VII: 441]). Эти оценки Белинского в большей степени интуитивны, чем научно отрефлексированы. Анализ текста подменен Белинским в целом оценкой идейного содержания пьесы и общественной роли Чацкого. О сценическом потенциале этой новаторской пьесы (а это важнейшая характеристика) Белинский практически ничего не говорит.

Риторическая интенция классицистической и просветительской драматургии определила, в конечном счете, и пушкинскую оценку «Горя от ума». В ней Пушкин смыкается с позицией Катенина: «Читал я Чацкого, - пишет он Вяземскому в январе 1825 года, - много ума и смешного в стихах, но во всей комедии не плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек – но Грибоедов очень умен» [7:

194-195]. Через несколько дней, успев обдумать пьесу более основательно, Пушкин напишет о ней большое письмо Бестужеву. Начинает он с замечательных слов: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова». Но далее Пушкин вновь «судит» героев пьесы по законам традиционной классицистической комедии: «Софья начертана не ясно»; «Молчалин не довольно резко подл»; «...что такое Репетилов? в нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его таким гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием...», «...во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины». Все так же раздражает Чацкий отсутствием логики в своем поведении: «Все, что говорит он – очень умно. Но кому говорит он все это?» И все же комедия, по мнению поэта, «прелестна». Пушкин признается Бестужеву, что «замечания» пришли «в голову позже». «Слушая ... комедию, я не критиковал, а наслаждался». «Мастерскими чертами» подается «недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину – прелестна! – и как натурально!» [7: 469-470].

Пройдет совсем немного времени, и в аналогичную ситуацию уже со своим детищем, «Борисом Годуновым», попадет сам Пушкин (трагедия создается в параллель пушкинским критическим штудиям – с декабря 1824 года). И уже в катенинской оценке трагедии Пушкина, как в зеркале, отразится пушкинская оценка «Горя от ума». Это признание многих частных достоинств «Бориса Годунова» («во многих подробностях есть ум без сомнения...», «...отдельно много явлений, достойных уважения и похвалы...»), но отрицание его целостности («целое не обнято...», «сцены между собою ничем не связываются...», «плана никакого...», «...отсутствие всякого действия...»), негодование по поводу нечеткости этического статуса героя («Самозванец не имеет решительной физиономии») и т.п. [4: 215, 306-308].

Отменяя «Борисом Годуновым» риторический дискурс классицистической трагедии с ее рационалистичностью (внутренней непротиворечивостью), замкнутостью ее художественного мира, когерентностью текста (здесь ему на помощь, безусловно, приходит Шекспир), Пушкин остается внутри этого дискурса, как только дело касается комедии. Это наложило свой отпечаток на его оценку «Горя от ума», вполне традиционную и даже тривиальную в своей основе, а также на его неоднократные попытки написать комедию. Кстати, это, пожалуй, единственный жанр, который не дался Пушкину. Между тем, его интерес к комедии очевиден – сохранилось много комедийных набросков поэта, пробовавшего себя в жанре и стихотворной и прозаической комедии.

Почему же все-таки Пушкин так и не написал комедию? На этот вопрос неоднократно пытались ответить исследователи. С. А. Фомичев связал этот факт с появлением реалистической комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», которая подвела итоги всему развитию стихотворной комедии конца XVIII - первой четверти XIX вв., став вершинной точкой процесса длительного накопления художественного опыта в данном жанре [14: 277]. Творить далее в этом направлении - значило повторять пройденное. Пушкин, очевидно, это чувствовал каждый раз, когда начинал писать комедию в стихах. Инерция традиции довлела над Пушкиным и тогда, когда он набрасывал план прозаической комедии о Криспине (Криспин - персонаж-маска итальянской комедии дель-арте и генетически восходящей к ней французской комедии XVIII века). Как справедливо отмечает Ст. Рассадин, все комедийные наброски Пушкина тяготеют либо к итало-французской плутовской традиции, либо к традиции русской стихотворной комедии в духе Шаховского - Хмельницкого - Грибоедова. «Это не взгляд вперед, в запредельное; это оглядка назад» [11: 267].

Инерция риторического слова довлела над Пушкиным, как только он в очередной раз приступал к написанию комедии. Инерция риторического

слова не дала Пушкину-критику возможность оценить комедию Грибоедова как принципиально новаторскую сценическую пьесу в ее общественном и литературном значении для русского театра, хотя как художник он ею «наслаждался». Справедливости ради стоит отметить, что первым такую оценку сможет дать только И. А. Гончаров в 1872 году в своем блестящем этюде «Мильон терзаний».*

Литература

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. - М. : Изд-во АН СССР, 1953 -1959. - Т. I- 574 с.; Т. III – 684 с.; Т. VII – 740 с.
2. Вяземский П. А. Дела иль пустяки давно минувших лет // Русский архив. - 1874. - Кн. 1. - №2. - С. 0537-0548.
3. Дмитриев М. А. Замечания на суждения «Телеграфа» // Вестник Европы. - 1925. - Ч. 140. - № 6. - С. 109-123.
4. Катенин П. А. Размышления и разборы. - М. : Искусство, 1981. – 374 с.
5. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. - М. : Просвещение, 1988. - 352 с.
6. Мордовченко Н. И. Споры о комедии // Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1959. - С. 237–255.
7. Переписка А. С. Пушкина : в 2 т. М. : Художественная литература, 1982. - Т. 1. - 494 с.
8. Пиксанов Н. К. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А. С. Горе от ума / изд-е подг. Н. К. Пиксанов при участ. А. Л. Гришунина. - 2-е изд., доп. - М. : Наука, 1988. - С. 280-387;
9. Пилад Белугин. Несколько слов о мыслях одного критика и о комедии «Горе от ума» // Вестник Европы. - 1825. - Ч. 141. - № 10. - С. 108-121.
10. Пилад Белугин. Против замечаний неизвестного У.У. на суждения о комедии «Горе от ума» // Вестник Европы. - 1825. - Ч. 144. - № 23-24. - С. 198-224.
11. Рассадин Ст. Драматург Пушкин: Поэтика. Идеи. Эволюция. - М. : Искусство, 1977. - 359 с.
12. Сомов О. М. Мои мысли о замечаниях г. Дмитриева на комедию «Горе от ума» и о характере Чацкого // Сын Отечества. - 1825. - Ч. 101. - № 10. - С.177-195.
13. Успенский В. В. Русский классический водевиль // Русский водевиль / сост., авт. вст. ст., прим. В. В. Успенский. - М. – Л. : Искусство, 1959. - С. 3-49.
14. Фомичев С. А. Драматургия А. С. Пушкина // История русской драматургии XVII – первая половина XIX века. – Л. : Наука, 1982. - С. 261–295.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России.